

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации Костылевой Ольги Владимировны
«Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности,
публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое
исследование», представленной на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 5.4.1 - Уголовно-правовые науки

Угроза терроризма, которая уже давно приобрела глобальный характер, потребовала от отдельных государств и мирового сообщества в целом принятия разноплановых мер по предупреждению и пресечению этого социального зла.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ акцентировано внимание на том, что международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи.

На фоне нарастающей геополитической напряженности эффективное противодействие криминальному информационному воздействию на наших граждан приобретает особо важное значение.

В таких условиях и с учетом взятых на себя международно-правовых обязательств российский законодатель принял решение о выделении в качестве *специальной* нормы об уголовной ответственности за публичные призывы к террористической деятельности, а также о криминализации публичного оправдания терроризма и, позднее, пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ).

Правильное применение имеющихся уголовно-правовых механизмов, в том числе ст. 205² УК РФ, которую справедливо считают нормой с двойной

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400.

превенцией, выступает одним из значимых факторов в борьбе с проявлениями терроризма.

В диспозиции этой нормы нет описания признаков объективной стороны преступления («публичности», «призывов» и пр.), возникают вопросы и о содержании субъективных признаков состава, отграничения от смежных деяний. Отдельные проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, разрешены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016), однако в нем дано толкование не всем признакам этого состава. Кроме того, с учетом изменений в законодательстве, в том числе криминализации пропаганды терроризма, разъяснения высшего судебного органа требуют актуализации. Недостаточными оказываются и научно-практические рекомендации по применению ст. 205² УК РФ, исходящие от представителей уголовно-правовой науки.

Отмеченное свидетельствует об **актуальности** и важности разработки темы, избранной О.В. Костылевой.

Соискатель ученой степени обоснованно определила цели и задачи исследования, в числе которых разрешение не только вопросов толкования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, и имеющихся квалификационных сложностей, но и поднимаемых в теории и правоприменительной практике проблем соотношения соответствующего уголовно-правового запрета с гарантированной на уровне международного и национального права свободой выражения мнения (свободой слова), а также отдельных дискуссионных вопросов, возникающих в связи с привлечением по рассматриваемой категории дел судебных экспертов различных специальностей.

Структура диссертации обусловлена указанными целями и задачами и, как представляется, позволила соискателю последовательно сформулировать

и разрешить важные теоретические и практические вопросы избранной тематики. В первой главе рассмотрены международно-правовые основы криминализации деяния, предусмотренного ст. 205² УК РФ; проанализирован вопрос о соотношении этого и схожих с ним запретов, существующих в зарубежном уголовном праве, со свободой выражения мнения; определен объект преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, раскрыт механизм посягательства на общественную безопасность при совершении указанного преступления, изучены сложности установления вреда, причиняемого в результате совершения действий, запрещенных ст. 205² УК РФ, в том числе роль судебных экспертов в решении этого вопроса (с. 23-87). Вторая глава посвящена уголовно-правовой характеристике такого признака состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, как распространение информации и (или) материалов, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей (с. 88-153). В третьей главе рассматриваются объективные и субъективные признаки каждого из трех альтернативных преступных действий в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ – публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма, в том числе с учетом лингвистического значения соответствующих понятий, предлагаются решения непростого вопроса о разграничении трех указанных форм преступного поведения, запрещенного ст. 205² УК РФ (с. 154-231).

Диссертация О.В. Костылевой, представленные в ней выводы и положения, выносимые на защиту, отличаются необходимой степенью **научной новизны**. Об этом свидетельствует самостоятельный характер рецензируемой работы, проведенный соискателем анализ не публиковавшихся материалов судебной практики, представление результатов исследования в историко-правовом, а также сравнительно-правовом контексте (автором изучены работы иностранных специалистов и практика применения уголовно-правовых запретов распространения террористической пропаганды

в зарубежных странах), осуществленный соискателем анализ сложных и спорных доктринальных вопросов, по которым им формулируются собственные заключения и выводы. Важно отметить, что рецензируемая работа является фактически вторым комплексным исследованием, специально посвященным проблемам криминализации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания, пропаганды терроризма и применения соответствующего уголовно-правового запрета (ст. 205² УК РФ), после диссертационного исследования З.А. Шибзухова «Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» (М., 2012) и монографии указанного автора «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» (М.: Юрлитинформ, 2014).

Теоретические положения, выводы и предложения прикладного характера, сформулированные в рецензируемой кандидатской диссертации, представляются **достоверными и обоснованными**, опираются на охарактеризованные соискателем во Введении к диссертации надежную методологическую основу, сочетающую общенаучные и специальные методы познания правовых явлений, широкую теоретическую и эмпирическую базу, общее представление о которой можно получить при ознакомлении с библиографическим списком (всего – 488 источников на русском и иностранном языках, в том числе материалы 45 уголовных дел, рассмотренных Московским (2-ым Западным) окружным военным судом).

Сформулированные в диссертации выводы и заключения, в том числе отраженные в положениях на защиту, свидетельствуют о **теоретической и практической значимости** исследования, которая заключается в развитии теории уголовного права, выработке подходов к разрешению дискуссионных вопросов квалификации рассматриваемого преступления, представлении результатов, которые могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Большинство положений, выводов и рекомендаций, высказанных в диссертационном исследовании, заслуживает внимания и поддержки.

В частности, следует согласиться с автором в том, что основанный на международно-правовых документах уголовно-правовой запрет на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма призван выступать мерой раннего предупреждения и предотвращения процесса радикализации, в результате которого отдельные лица принимают террористическое насилие как допустимый и правильный образ действий (с. 33-34).

Заслуживает внимания позиция соискателя, согласно которой общественная опасность анализируемого деяния, предопределяющая его криминализацию, не должна связываться исключительно с причинением вреда внутреннему аспекту безопасности; она объясняется прежде всего порождаемой угрозой совершения преступлений террористической направленности отдельными лицами или в составе преступных организаций, которая (угроза) в свою очередь может влиять на уровень субъективной уверенности населения или его групп в своей безопасности. Практическая (деятельная) сила высказывания порождается как его коммуникативной направленностью (содержанием), так и его контекстом (формой и способом передачи сообщения, значимостью или известностью автора сообщения, характеристиками адресата и пр. (с. 58, с. 72, положение № 2, выносимое на публичную защиту).

Следует поддержать соискателя также в том, что установлению подлежит объективный смысл высказывания, то есть тот, которым оно обладает в восприятии непредвзятого и способного к восприятию информации адресата. Этот смысл определяется исходя из употребляемых слов, языкового контекста, сопутствующих высказыванию обстоятельств, в той мере, в которой они доступны адресатам, а также характеристик самого адресата (с. 78, 79, положение № 3, выносимое на публичную защиту).

Обоснованным находим вывод автора (при толковании признака пропаганды терроризма) о том, что понятие распространения информации и (или) материалов в ст. 205² УК, имея уголовно-правовое содержание, означает любое расширение круга лиц, которые потенциально могут попасть под воздействие такой пропаганды, что предполагает, что информация и материалы передаются и становятся доступными как неопределенному, так и определенному кругу лиц (с. 100, положение № 4, выносимое на публичную защиту).

Представляет теоретический и практический интерес подход диссертанта в определении распространения информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей как признака преступления (с. 132, 133, 152-153, положения № 7 и 8, выносимые на публичную защиту).

Можно поддержать соискателя в выводах о том, что преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, не имеет длящегося характера, но может быть продолжаемым, если неоднократное распространение запрещенной информации охватывалось единым умыслом виновного лица. Приведены весомые аргументы в пользу этой позиции (с. 145-153, положение № 9, выносимое на публичную защиту).

Убедительными видятся и суждения автора о том, что в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые содержат прямое побуждение других лиц к совершению преступления, при пропаганде терроризма коммуникативная направленность сообщения состоит в формировании у адресата идеологии терроризма или убежденности в допустимости осуществлении террористической деятельности (с. 230, положение № 10, выносимое на публичную защиту).

Результаты исследования прошли необходимую апробацию, выразившуюся в их представлении соискателем на научных конференциях и круглых столах, в шести публикациях в рецензируемых изданиях,

рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, а также использовании в учебном процессе на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (с. 21-22).

Аннотация диссертации соответствует ее содержанию.

Давая высокую оценку диссертационной работе О.В. Костылевой, следует в то же время отметить, что она не свободна от отдельных спорных либо недостаточно аргументированных положений, что, думается, стало следствием сложности разрабатываемой темы для науки и практики.

1. Представляется слишком категоричным суждение автора о том, что обеспечение свободы выражения мнения на правоприменительном уровне предполагает решение вопроса, не является ли преследуемое поведение реализацией названной свободы, среди прочего *заставляя правоприменителя устанавливать общественно опасные последствия*, причиняемые распространением той или иной информации и (или) материалов, несмотря на конструирование состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, по типу формального (с. 14, 71). Если оценивать данный состав как формальный, а в работе это не оспаривается, то общественно опасные последствия от совершения указанных действий находятся за рамками данного уголовно-правового запрета. Здесь более корректно говорить об общественной опасности деяния, которую требуется установить при производстве по делу, которая выражается в первую очередь в способности распространяемой информации побудить к осуществлению террористической деятельности, сформировать у других лиц идеологию терроризма и пр.

2. Требуется уточнения и дополнительного обоснования сформулированный в диссертации вывод о том, что «при исследовании материала необходимо, чтобы эксперты, основываясь на достижениях науки (речь может идти не только о психологической, но и социологической науке), могли пояснить суду, *какие обстоятельства совершения деяния свидетельствуют о достоверной вероятности влияния тех или иных высказываний на убеждения и поведение адресатов*» (с. 16, 86). Вызывает

сомнение возможность постановки эксперту вопроса «о достоверной вероятности влияния» соответствующих материалов. Насколько понимаем, в компетенцию экспертов (если говорить о лингвистах и психологах) входит установление смысла распространяемой информации, коммуникативной и социально-психологической направленности материалов. Не ясна также роль социологов, о которых упоминает диссертант, в решении обозначенных задач.

3. Не в полной мере можем согласиться с авторской трактовкой признака пропаганды терроризма, которая определена в диспозиции нормы как деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. Не вызывает возражений суждение автора о том, что под «деятельностью» следует понимать совокупность, комплекс действий (возможно их систему), направленных на выполнение единых задач и целей. Вместе с тем диссертант, применительно к пропаганде терроризма, по существу, сводит эту систему к неоднократному распространению соответствующих материалов, к множеству тождественных действий (с. 99, 100). Однако, на наш взгляд, следует различать *систему действий* и *систематичность однородных действий*. Словосочетание «деятельность по распространению» можно определить и как «деятельность, связанная с распространением». Иными словами, виновный может совершить комплекс действий, в результате которых осуществляется передача другим лицам запрещенной информации. Например, лицо с единым умыслом сначала готовит пропагандистский текст, изготавливает листовку, затем размножает ее и впоследствии разбрасывает листовки в общественном месте. В этом случае также есть основания считать, что имела место «деятельность по распространению» соответствующих материалов.

4. Вопросы субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, недостаточно разработаны в науке уголовного права. Поддерживая вывод соискателя о том, что вина в данном составе

характеризуется прямым умыслом, в то же время не разделяем его мнение о наличии *цели вовлечения других лиц в осуществление террористической деятельности* при совершении анализируемого преступления (с. 237). Диспозиция нормы не содержит указания на конкретные цели, в связи с этим ряд ученых заявляют, что цели и мотивы действий виновного имеют факультативное значение². Если говорить о точности терминологии, то цель вовлечения других лиц в осуществление террористической деятельности присуща преступлению, предусмотренному ст. 205¹ УК РФ (содействие террористической деятельности), которое Пленум Верховного Суда Российской Федерации определяет как «умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений»³. Предлагаем уточнить соискателю во время публичной защиты позицию по этому вопросу, тем более, что конкретизируя свой вывод, О.В. Костылева далее пишет, что цель виновного «может в зависимости от конкретной формы поведения выражаться в цели побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности, сформировать у них идеологию терроризма или представление о допустимости осуществления террористической деятельности» (положение № 4, выносимое на публичную защиту).

5. Обстоятельно проанализировав признак «публичности» в ст. 205² УК РФ, диссертант приходит к выводу о том, что для целей применения нормы публичность следует определять как обращенность и доступность распространяемой информации или материалов *неопределенному кругу лиц* (с. 122). Находим этот тезис спорным. Если призывы к террористической деятельности или оправдание терроризма совершаются в

² См. например, Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь, 2007, № 19; Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право, 2007, № 1 (СПС «КонсультантПлюс»).

³ См. пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). Слово «направленность», как известно, указывает на цель.

форме выступления перед большой аудиторией (например, на митинге, во время демонстрации) либо если используются СМИ, сеть Интернет, т.е. когда адресаты этого информационного воздействия персонально и количественно виновному не известны, такой подход вполне корректен. В то же время возможны ситуации, когда соответствующие воззвания обращены хотя и к множеству лиц, однако их число и персоны субъекту преступления известны. Например, проповедь лица, адресованная членам религиозной общины. Как представляется, такие действия также являются публичными, что находит отражение в судебной практике. В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации применительно к «публичности» указывает об *«обращении к другим лицам»*⁴.

Вместе с тем указанные замечания преимущественно имеют дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертации О.В. Костылевой, представляющей завершённую научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для дальнейшего развития теории уголовного права и практики противодействия распространению террористической пропаганды. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (по юридическим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

⁴ Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016).

Таким образом, соискатель Костылева Ольга Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук,
заслуженный работник прокуратуры
Российской Федерации
старший прокурор отдела
Главного уголовно-судебного управления
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,

Кунашев Ашамаз Адальбиевич

« 6 » декабря 2024 г.

Контактные данные:

e-mail: TEA@TEA.TE

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Адрес места работы: 125993, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, 15а, ГСП-3.
Генеральная прокуратура Российской Федерации.

Подпись Кунашева А.А., старшего прокурора отдела
Главного уголовного-судебного управления
Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
удостоверяю: